

Секция «Фразеологические единицы как маркеры национально-языковой картины мира»

Вариативность фразеологизмов с точки зрения лингвокультурологии

Научный руководитель – Федуленкова Татьяна Николаевна

Басова Татьяна Александровна

Аспирант

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Гуманитарный институт, Владимир, Россия

E-mail: tanyatako@gmail.com

Проблема фразеологической вариативности, несмотря на, казалось бы, достаточную проясненность вследствие десятилетий ее исследований и лингвистических наблюдений, не является однозначной ввиду многообразия научных представлений об этом вопросе вплоть до радикальных взглядов об отсутствии вариативности как таковой: некоторыми лингвистами совершенная идентичность ФЕ представляется недостижимой, и поэтому имеет смысл рассматривать это явление лишь как фразеологическую синонимию. Говоря о современном состоянии проблемы вариативности, Т. Н. Федуленкова резюмирует, что «процесс варьирования в области фразеологических единиц рассматривается для плана выражения и для плана содержания в отдельности», а «в плане выражения, т.е. формального или чисто структурного варьирования, согласно уровням системы, выделяются морфологические, лексические, синтаксические, позиционные, количественные варианты», отмечая спорный характер отождествления и идентификации фразеологических единиц с различающимся лексическим составом, а также упоминая сложности разграничения фразеологических вариантов и фразеологических синонимов. Вслед за А. В. Куниным она выделяет следующие виды вариативности: лексические, грамматические, количественные и комплексные варианты [5: 50-57].

Структурные варианты ФЕ описываются лингвистами как единицы, имеющие в основе один и тот же инвариант, или некий неизменный элемент, представляющий собой, согласно А. В. Кунину, совокупность всех видов устойчивости фразеологизма (семантической, лексической, синтаксической и др.) [3]; «инвариант - это особая модель, обеспечивающая объем вариантности в пределах тождества ФЕ» [5: 46]. В. М. Мокиенко считает, что именно единство образа и синтаксической конструкции позволяет считать определенные фразеологизмы вариантами друг друга [4: 26]. Иначе говоря, именно тождественность значений вариантов в первую очередь отгораживает их от фразеологических синонимов, где могут наблюдаться различающиеся стилистические особенности, тонкости значений, нюансы области употребления или особенности сочетаемости с другими языковыми единицами. Однако не всегда можно однозначно обозначить границу между вариантами и синонимами, поэтому описываются и пограничные случаи. Разрушение фразеологического тождества при этом происходит при отклонении от следующих критериев: структурного (общность синтаксической структуры), семантического (общность значения и образа), функционального (сочетаемость), семасиологического (общность референта и знаковой функции, объем понятия) [5: 46]. Но не все фразеологические парадигмы строятся на тех же критериях. К примеру, с самого начала становления японской фразеологии в область фразеологической вариативности японскими лингвистами включались сложные слова, образованные от фразеологизмов вследствие вторичной лексикализации (свободное словосочетание из лексических единиц → фразеологическая единица → лексическая единица), хотя они по сути уже не являются фразеологизмами как таковыми, а лишь составными лексемами, сохраняющими изначальный метафорический образ ФЕ и их семантику. Такого рода слова достаточно распространены в японском языке (*hara ga tatsu* букв. живот

встает 'сердиться' - *haradatsu* «животовставать» 'сердиться'), в меньшей степени - в английском (*to have a lily liver* 'быть трусливым' - [*to be*] *lily-livered* 'быть трусливым') и изредка в русском (ср. *валять дурака* - *дуракаваляние*, [*заниматься*] *дуракавалянием*); не являясь более ФЕ, они, тем не менее, соответствуют всем критериям тождественности, кроме одного - синтаксического. Более того, в японском языке вариантами считаются фразеологизмы с чередованием переходного и непереходного глагола (*hara wo tateru* «ставить живот» 'сердиться' - *hara ga tatsu* «живот встает» 'сердиться') [6], в которых также меняется структура (глагольная ФЕ становится предикативной). Таким образом можно сказать, что для японского подхода критерий структурной общности не представляется в данном вопросе основным. Углубляясь в этот подход, мы также считаем, что в данную категорию лексикализованных вариантов вполне попадают и фразеологические аббревиатуры - еще один вид вторичной лексикализации фразеологизмов, присущий японскому языку, при котором за редким исключением они тождественны фразеологизмам по всем критериям, кроме структурно-синтаксического.

Одним из самых распространенных и динамичных видов вариативности в английском, русском и японском языках признается лексическая вариативность, под которой понимаем замену одного или нескольких лексических компонентов, не нарушающих цельности инварианта фразеологической единицы. Лексические варианты фразеологизмов, как известно, обусловлены синонимией слов, метонимией или принадлежностью слов к одному семантическому полю или смысловому ряду. Но как влияет культура на создание этой синонимической связи? Не вызывает вопросов, например, чередование «смотреть» и «наблюдать» в японском фразеологизме [U+9F3B] [U+606F] [U+3092] [U+3046] [U+304B] [U+304C] [U+3046] / [U+9F3B] [U+606F] [U+3092] [U+3046] [U+304B] [U+304C] [U+3046] «смотреть/наблюдать за цветом лица кого-либо» 'пресмыкаться, подстраиваться'. Но гораздо более сложные причины лежат в основе чередования «синих вен (на висках)» и «живота» в японском фразеологизме [U+9752] [U+7B4B] [U+3092] [U+7ACB] [U+3066] [U+308B] / [U+9752] [U+7B4B] [U+3092] [U+7ACB] [U+3066] [U+308B] «поставить синие вены / поставить живот» 'рассердиться', а также [U+9F3B] [U+6BDB] [U+3092] [U+9F3B] [U+6BDB] [U+3092] «читать волосы в носу / читать живот» 'видеть подноготную'. *Живот*, сам по себе, конечно, не являющийся уникальным компонентом, - один из самых наиболее символически нагруженных соматических знаков в телесном коде японской культуры, что и создает определенные смысловые ряды; это вместилище истинных мыслей человека, его нутро [1: 85], что и позволяет животу чередоваться с другими лексемами в вышеперечисленных примерах. Подобного не наблюдается ни в русском, ни в английском языке, где компоненты *живот/belly/stomach* обладают гораздо большей узостью символических значений, что прослеживается в том числе через анализ фразеологии данных языков [1: 85-96].

Необычное и насыщенное чередование, обусловленное глубокими лингвокультурологическими причинами, находим и в фразеологизме [U+5FC3] [U+3092] [U+7815] [U+304F] / [U+80BA] [U+5FC3] [U+3092] [U+7815] [U+304F] [U+80BA] «сердце/ломать легкие-печень/ломать тело/ломать печень-желчный пузырь/ ломать сердце-легкие» 'ломать голову, силиться понять'. Взаимозаменяемость этих органов в данном фразеологизме обеспечена наделением их в японской культурной традиции и древней медицине не только физическими качествами, но и мифологическими, а также духовными; ряд органов символически отвечает за те или иные чувства и эмоции, через них функционирует тонкий план человека или какие-то из его сторон. Интересно, что ряд органов (сердце, печень, глаза и др.) Т. М. Гуревич предлагает не рассматривать как соматические компоненты в фразеологии японского вообще, так как фразеологизмы с ними описывают в большинстве случаев душевные переживания и мысли человека, а сами органы в этих ФЕ также нередко чередуются со словом [U+6C17] «дух, энергия» [2] (ср. с русским и английским языками, где могут чередоваться *голова, сердце, грудь, душа*, напр. *свербит в груди / свербит в душе*). Однако нам представляется, что термин «духовно-соматические компоненты» точнее опишет их характер, так как они не теряют полной связи с тем или

иным органом или областью тела, и ряд фразеологизмов с ними имеют данные соматические компоненты в непереосмысленном качестве. Перспективы исследования мы видим в более подробном анализе влияния культуры на возникновение семантических полей, обеспечивающих вариативность фразеологических единиц, а также связанного символизма тех или иных компонентов, объясняющегося только последствием погружения в культуру народа.

Источники и литература

- 1) Басова Т. А. Общие и специфические признаки японских фразеологизмов с компонентом [U+8179] ('hara') в сопоставлении с русскими и английскими фразеологизмами // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал* / отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Т. 16. – Вып. 3 (49). – С. 85-96.
- 2) Гуревич Т. М. Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира: дис. ... д-ра. культурологии. – М., 2006. – 330 с.
- 3) Кунин А. В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. М., 1972. С. 6-8.
- 4) Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. Москва: «Высшая школа», 1990. 160 с.
- 5) Федуленкова Т. Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков: курс лекций. М.: Издательский Дом Академии Естествознания, 2012. 220 с.
- 6) [U+77F3] [U+7530] [U+30D7] [U+30EA] [U+30B7] [U+30A2] Ishida Priscilla, [U+6163] [U+7528] [U+53E5] [U+306E] [U+5909] [U+7570] [U+5F62] [U+306B] [U+3064] [U+304A] (Идиоматическая устойчивость и идиоматические варианты) // *Tsukuba Journal of Applied Linguistics*, №5, 1998, с. 43-56.